

Президент Кан смутно чувствовал, что что-то не так. Даже несмотря на то, что его нищая мать всё ещё выглядела спокойной после того, как узнала об уходе своего мужа из компании, он чувствовал, что она вот-вот взорвётся.

Ся Шэнь повернула голову и почувствовала, как сын доверительно положил её руку себе на голову, спокойно глядя на неё своими большими глазами.

Глядя его голову, Ся Шэнь почувствовала, как её сердце растаяло.

— Сынок, ты тоже понял это?

Ся Шэнь вспомнила, как изменилось поведение её сына после того, как он вернулся с ежегодного корпоратива. Особенно то, как он хотел поговорить с ней на следующий день, затем замолчал и, наконец снова заговорил.

Слышал ли её сын, что сказал босс Юэ Циню той ночью?

— Не бойся говорить то, о чём думаешь. Для папы и мамы, ты самый лучший ребёнок на свете. Дядя, который сказал, что ты плохой, намного хуже тебя.

Ся Шэнь на мгновение задумалась. Затем она привела своего сына развлечься в парк развлечений, скорее не ради него, а ради себя.

Она бы расслабилась и продолжила держать себя в руках.

Когда Юэ Цинь в последний раз пришёл забирать сына, он заметил, что тот смотрит на него с задумчивым выражением лица.

— Что это за взгляд? — Юэ Цинь рассмеялся.

Президент Кан хотел бы сказать, что это намёк на то, что его жена знает, что его уволили.

Но, поскольку он был самым лучшим ребёнком в мире, он ничего не знал.

Он должен был быть самым лучшим ребёнком в мире, потому что он был свидетелем того, как его мать за короткое время поразила все движущиеся мишени на стрельбище.

«Спасибо, правительство, за запрет на покупку и ношение оружия».

— Канкан, ты сегодня какой-то странный, — Юэ Цинь вышел из кухни с тарелкой заварного крема.

Президент Кан мигом забрался на свой детский стульчик и стал ждать, когда ему дадут тарелку.

Юэ Цинь пододвинул к себе небольшую табуретку и сел напротив него.

Он приготовил крем на полдник сыну. Он даже добавил туда чуточку ванили для приятного аромата.

Однако Юэ Цинь не поставил тарелку на столик. Вместо этого он зачерпнул немного крема ложкой.

— Ты голоден?

На что президент Кан ответил молчанием.

Скользкий мягкий заварной крем скатывался по ложке, а запах ванили сразу же разжёл аппетит президента Кана.

Юэ Цинь наблюдал за тем, как шея его сына вытянулась, а глаза наполнились желанием заполучить этот крем.

— Как тебе? Вкусно пахнет?

У президента Кана были смешанные ощущения.

«Что он делает?».

— Давай, скажи «папа», — Юэ Цинь держал ложку прямо у рта своего сына.

Это было слишком коварно по отношению к четырёхлетнему ребёнку.

Он мог сказать «папа» за десятки тысяч юаней, но никак не за пару ложек заварного крема.

— Какой запах, — Юэ Цинь кружил ложкой около лица президента. — Если оно остынет, то будет уже не так вкусно.

«В его словах есть смысл».

Президент Кан внимательно смотрел на этот крем: нежное яйцо, перемешанное с ванилью. Ему только четыре, поэтому была высокая вероятность того, что, если он съест его остывшим, у

него разболится живот.

Но в то же время, он мог спокойно от него отказаться, ведь он вовсе не собирался называть этого увальня папой.

Десять минут спустя президент Кан уже доедал последнюю ложку заварного крема, вытирая уголки рта своим детским слюнявчиком.

Тем не менее это принесло большую пользу — он увидел пароль от телефона большого парня.

Теперь он сможет написать своей девушке.

<http://tl.rulate.ru/book/61640/2319893>